
ЭКОНОМИКА ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 331.5

DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-116-137

РАСШИРЕНИЕ МАСШТАБОВ ТРЕТИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МИРЕ И ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

М. Л. Агранович¹, А. А. Дренёва²

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Федеральный институт
развития образования, Москва, Россия.
E-mail: ¹agranovich-ml@ranepa.ru; ²dreneva-aa@ranepa.ru*

Аннотация. *Введение.* Взрывной рост масштабов третичного образования в мире заставляет обратить внимание на то, как это влияет на трудоустройство молодых выпускников.

Целью статьи является анализ того, как рост участия молодых людей в третичном образовании отражается на динамике показателей их занятости и экономической активности.

Методология, методы и методики. В статье с помощью сравнительного и корреляционного анализа рассматриваются связи изменения уровня образования молодых людей и динамики показателей занятости и экономической активности по уровням образования. В статье рассматриваются данные образовательной статистики стран ОЭСР, России и некоторых других стран, участвующих в образовательных исследованиях ОЭСР.

Результаты анализа, представленные в статье, показывают, что рост масштабов третичного образования приводит к повышению уровня безработицы среди молодого населения, однако это справедливо только для наименее продвинутых программ, в то время как для выпускников магистратуры наблюдается рост уровня занятости. Экономическая активность среди молодых магистров после кризиса 2009 года также росла быстрее, чем среди выпускников других программ третичного образования. Выпускники магистратуры оказались в лучшем положении и в период кризиса 2020 года, вызванного пандемией COVID-19.

Научная новизна исследования заключается в детальном анализе роста масштабов третичного образования и динамики показателей статуса на рынке труда выпускников различных программ третичного образования.

Практическая значимость исследования заключается в формировании информационно-аналитической основы для корректировки дальнейшей политики в сфере развития третичного образования исходя с целью повышения занятости молодежи.

Ключевые слова: уровень образования населения, безработица, экономическая активность, третичное образование.

Для цитирования: Агранович М. А., Дренёва А. А. Расширение масштабов третичного образования в мире и положение молодежи на рынке труда // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 8. С. 116–137. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-116-137

GLOBAL EXPANSION OF TERTIARY EDUCATION AND THE POSITION OF YOUNG PEOPLE IN THE LABOUR MARKET

M. L. Agranovich¹, A. A. Dreneva²

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Federal Institute for Educational Development, Moscow, Russia.
E-mail: ¹agranovich-ml@ranepa.ru; ²dreneva-aa@ranepa.ru*

Abstract. *Introduction.* The explosive growth of tertiary education around the world calls attention to how this affects the employment of young graduates.

Aim. The current research paper is *aimed* to analyse how the growth of young people's participation in tertiary education is reflected in the change of their employment and economic activity.

Methodology and research methods. The comparative and correlation analysis was used to examine the relationship between changes in the education attainment of young people and the dynamics of employment and economic activity indicators by levels of education. The article deals with educational statistics data from OECD countries, Russia and some other countries participating in OECD educational research.

Results. The results of the analysis presented in the article show that the growth of tertiary education leads to an increase in the unemployment rate among the young population; however, this is true only for the least advanced programmes, while there is an increase in the employment rate for master's degree graduates. Economic activity among young graduates with a master's degree grew faster after the 2009 crisis than among graduates of other tertiary education programmes. Master's degree graduates were in a better position during the crisis of 2020 caused by the COVID-19 pandemic.

Scientific novelty. The authors presented a detailed analysis of the growth in the scale of tertiary education and the changes of status in the labour market indicators of graduates of different tertiary education programmes.

Practical significance of the study lies in the development of the information and analytical basis for adjusting further policy in the field of development of tertiary education based on the goal of increasing youth employment.

Keywords: level of education of the population, unemployment, economic activity, tertiary education.

For citation: Agranovich M. L., Dreneva A. A. Global expansion of tertiary education and the position of young people in the labour market. *The Education and Science Journal*. 2022; 24 (8): 116–137. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-116-137

Введение

Молодежная безработица и снижение экономической активности молодежи в мире стали острой социально-экономической проблемой. По данным на 2019 год доля безработных молодых людей в развитых странах составляет в среднем от 13 % до 5 % в зависимости от уровня образования, а экономически неактивных – от 31 % до 10 % (рисунки 1 и 2).

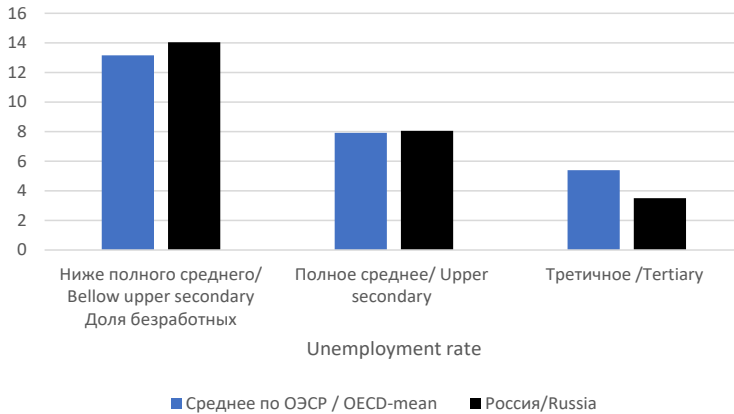

Рис. 1. Доля безработных в возрасте 25–34 года по уровню образования, 2019 г., %. Источник: Education at a Glance-2020

Fig. 1. Unemployment rate for 25–34-year-old by education attainment, 2019, %. Source: Education at a Glance-2020

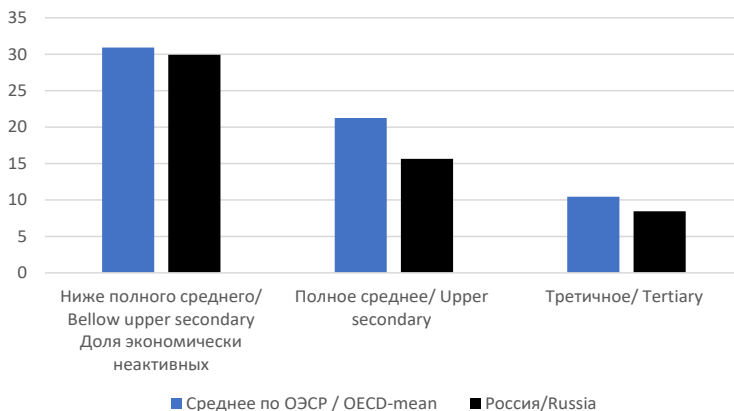

Рис. 2. Доля экономически неактивных в возрасте 25–34 года по уровню образования, 2019 г., %. Источник: Education at a Glance-2020

Fig. 2. Share of economically inactive 25–34-year-old by education attainment, 2019, %. Source: Education at a Glance-2020

Данные по молодежной безработице и экономической активности в России, как видно на графиках, близки к показателям развитых стран.

Пандемия COVID-19 существенно ухудшила положение молодежи на рынке труда. В 2020 году рост уровня молодежной безработицы в странах ОЭСР составил 20 %, а экономическая активность снизилась на 10 %. Однако пандемия – это форс-мажор, и мы привели эти данные только чтобы показать, что в случае ухудшения ситуации молодежь страдает в первую очередь, как это было и в период экономического кризиса 2008–2009 годов. Чтобы избежать влияния COVID-19 на результаты, в дальнейшем анализе мы будем использовать данные за последний допандемийный 2019 год.

Одной из основных причин ухудшения положения молодежи на рынке труда считается несоответствие уровня и содержания образования, структуры выпусков по программам запросу рынка труда [1].

Одновременно в мире наблюдается взрывной рост доли населения с третичным¹, особенно высшим, образованием: с 2005 года доля молодежи с третичным образованием в развитых странах увеличилась почти в полтора раза (рис. 3).

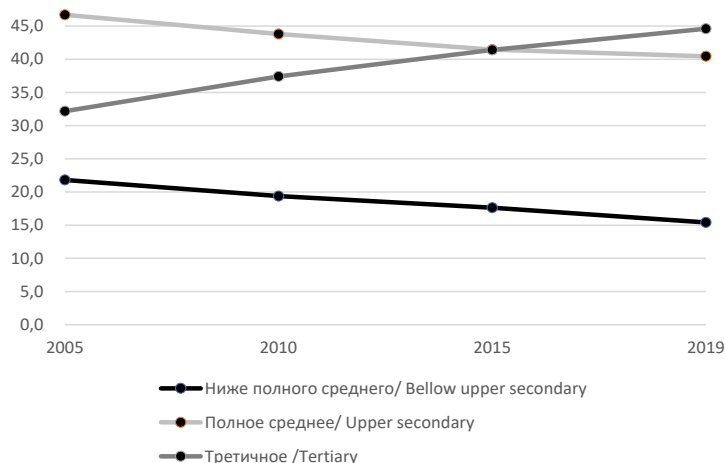

Рис. 3. Изменение структуры населения в возрасте 25–34 года в странах ОЭСР по уровню образования. Источник: база данных ОЭСР stats.oecd.org

Fig. 3. Changes of structure of population aged 25–34 years in OECD countries by education attainment. Source: OECD database stats.oecd.org

¹Термин «третичное образование» в данной работе определяется как программы с продвинутым содержанием образования, по сравнению с уровнями среднего образования, соответствующие уровню 5 Международной стандартной классификации образования (МСКО-5). Уровень третичного образования включает в себя программы короткого цикла, бакалавриат, магистратуру и аспирантуру/докторантуру.

В связи с этим представляется естественным попытаться понять, как соотносятся эти две тенденции – рост масштабов третичного образования и ухудшение положения молодежи на рынке труда. Анализу этого соотношения с помощью статистики и посвящена данная статья.

Целью настоящей статьи является выявление взаимосвязей между ростом участия молодежи в третичном образовании и динамикой показателей их трудовой занятости и экономической активности.

Исследовательские вопросы настоящей статьи включают в себя анализ того, как бурный рост третичного образования в развитых странах повлиял на положение населения, и особенно молодежи с этим уровнем образования, на рынке труда. Дополнительным направлением анализа выступило изучение различий в динамике показателей трудоустройства и образования молодых людей с третичным образованием разного уровня.

Теоретическая гипотеза исследования заключается в том, что повышение уровня образованности населения неоднозначно сказывается на его положении на рынке труда: для получивших образование по программам более высокого уровня это ведет к снижению безработицы и повышению экономической активности, а для менее образованной части населения – к росту безработицы и снижению экономической активности. Настоящая работа имеет своим фокусом занятость и экономическую активность молодых людей в зависимости от уровня их образования. Таким образом, эмпирическая гипотеза исследования состоит в том, что более высокий процент молодежи с третичным образованием высокого уровня (магистратура) положительно связан с более низким процентом безработицы среди этой группы населения, а для обладателей дипломов об окончании коротких программ третичного образования – отрицательно.

Указанная гипотеза, а также логичным образом связанные с ней расширения, проверены с помощью литературного анализа, а также статистического анализа данных из открытых источников по показателям экономической активности и национальных образовательных систем стран-членов и стран-партнеров Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

В качестве ограничений исследования можно отметить выборку стран, которая ограничивается странами-членами и странами-партнерами ОЭСР; возможность установить лишь корреляционные, а не причинно-следственные связи между анализируемыми параметрами; разнородность экономических и образовательных национальных систем; отсутствие учета гендерных различий.

Обзор литературы

Острота проблемы молодежной безработицы подтолкнула к ее изучению многих исследователей [1–4].

На уровень безработицы может влиять множество факторов, и одними из важных являются количественные и качественные характеристики национальных образовательных систем [5–7]. Например, J. Calero, Á. Choi [8] отмечают, что более высокий уровень образования закономерно связан с меньшей вероятностью для человека стать безработным или не найти работу при повторном трудоустройстве. Также J. Mincer было показано, что более образованные люди в среднем тратят меньше времени на поиск работы, по сравнению с менее образованными, что отражает более высокий уровень мобильности рабочей силы среди этой группы населения [9]. Эта тенденция подтверждается в одной из недавних работ на выборке канадских работников, в которой на основе модели логистической регрессии показано, что вероятность безработицы снижается с более высоким уровнем образования, и наибольшая вероятность стать безработным отмечается для лиц лишь со средним образованием [10]. Аналогичные выводы делаются авторами исследования на выборке ряда европейских стран: наряду с влиянием социально-экономического неравенства рассматривается также важность уровня навыков и образования в контексте вероятности быть безработным [8].

Связь уровня образования с мобильностью рабочей силы была показана и на российской выборке [2, 11]. Более высокий уровень образования позволяет также быстрее подниматься по карьерной лестнице [2, 11].

G. Psacharopoulos и H. A. Patrinos указывают, что человек, окончивший программу четырехлетнего высшего образования, получает значительные преимущества на рынке труда и, следовательно, более высокий реальный доход [12]. В другой работе на выборке европейских стран авторы анализируют ситуацию на рынке труда с учетом параметров образования согласно экономической концепции альтернативных издержек и заключают, что в целом в странах Европейского Союза ситуация вполне удовлетворительная, поскольку средняя доходность инвестиций в высшее образование составляет порядка 7,9 %, что примерно соответствует долгосрочной доходности акций (хотя и не для всех стран). Кроме того, авторы приводят средний срок окупаемости, равный 15 годам, что означает возврат инвестиций в высшее образование примерно в возрасте 40 лет. В другой работе К. Н. Мок также обращает внимание, что уровень полученного образования положительно коррелирует с заработком [13]: выпускники университетов зарабатывают вдвое, а в ряде случаев, по мнению D. Checchi, даже втрое больше, чем люди без третичного образования, хотя заработная плата при этом варьирует в

зависимости от страны и ситуации на местном рынке труда [14], а также от доли населения с другим уровнем образования [15].

К. Н. Мок считает, что важная особенность текущей ситуации на рынке труда заключается в том, что само по себе получение диплома о третичном образовании уже не является гарантией трудоустройства, более высоких доходов или восходящей социальной мобильности [13].

Современный тренд массовизации третичного образования в конечном счете приводит не только к повышению шансов трудоустройства выпускников вузов относительно людей с более низким уровнем образования, но также одновременно к их безработице и неполной занятости в связи с повышением уровня конкуренции внутри этой группы [13]. Такие тенденции наблюдаются в Южной Корее, Индии, Китае и других странах [3]. Согласно данным К. Н. Мок, противоположная ситуация, тем не менее, отмечается в Гонконге и Сингапуре, где процент нетрудоустроенных выпускников высших учебных заведений довольно низкий [13], что может быть объяснено более благоприятной текущей ситуацией на рынке труда в целом.

С уровнем безработицы населения могут быть также связаны и другие факторы, например, показатель успешного окончания средней школы, который в ряде случаев оказывается позитивно связанным с уровнем безработицы, что на первый взгляд может показаться парадоксальным. В частности, это было показано D. Card и T. Lemieux на примере средних школ США в период с конца 1960-х до середины 1990-х годов [16]. То же было выявлено A. Barr и S. Turner в период мирового экономического кризиса 2008 года, когда между неблагоприятной экономической ситуацией и посещаемостью школ обнаружилась отрицательная взаимосвязь [17]. Ту же тенденцию спустя десятилетие подтвердили N. Hillman и E. Orians на выборке поступающих в американские колледжи [18], что говорит об антициклических взаимоотношениях между образованием и рынком труда: при кризисных экономических условиях спрос на образование растёт.

Контрциклическость спроса на образование является известным и широко распространенным феноменом [16, 19, 20]. Это объясняется тем, что в периоды рецессии снижаются альтернативные издержки обучения, поскольку шансы найти даже неквалифицированную работу ниже, чем при благоприятной экономической обстановке. Причины этого, тем не менее, на сегодня до конца не ясны. С одной стороны, это может быть вызвано тем, что в благополучные с экономической точки зрения времена люди скорее откладывают продолжение образования и возвращаются к нему, когда экономическая обстановка ухудшается, – такой эффект может быть назван временным. С другой стороны, существует тенденция, при которой выпускники средней школы выходят на рынок труда, если возможности трудоустройства хорошие, и

затем уже не возвращаются к дальнейшей учебе – и такой эффект является постоянным. Так, в работе Н. Sievertsen показано параллельное существование обоих эффектов за период исследования с 1984 по 1992 годы [21].

В целом можно говорить о том, что влияние уровня образования на успешность трудоустройства неоднозначно. Например, в недавнем мета-анализе на данных стран ОЭСР, а также ряда других за 2009–2015 годы F. Pusterla был проведен анализ взаимосвязи между уровнем безработицы и уровнем формального образования [4]. По результатам обнаружено, что при агрегации данных по всем странам уровень безработицы действительно падает по мере роста уровня образования. Однако, если проводить дифференцированный анализ отдельно по каждой стране, для некоторых стран можно увидеть обратную – то есть положительную – связь. В частности, это касается таких стран, как Бельгия, Эстония, Латвия, Словакия и Румыния [4]. Кроме того, в некоторых странах никакой явной взаимосвязи между указанными параметрами не наблюдается: в Словении, Дании, Австрии, Люксембурге и Норвегии [4].

Интересный кейс представляет собой Китай, который за десятилетие с 1998 по 2008 годы увеличил прием в высшие учебные заведения почти в шесть раз. J. Knight, Q. Deng, L. Si назвали это «естественным экспериментом» по беспрецедентно масштабному и резкому изменению повестки в сфере образования. По итогам анализа выявлено, что такие резкие изменения снижают относительную заработную плату, равно как и долю «хороших» рабочих мест, а также повышают уровень безработицы [22]. Сходные тенденции были обнаружены и в исследовании С. Xing, Р. Yang, Z. Li [23], показавшем, что уровень безработицы в Китае среди выпускников колледжей значительно вырос за последние годы. Специалистами это объясняется именно политикой расширения высшего образования [24]. Для проверки этой гипотезы в упомянутом исследовании С. Xing, Р. Yang, Z. Li использовались три национальных репрезентативных набора данных за 2000, 2005 и 2010 годы, на базе которых анализировались краткосрочные и среднесрочные эффекты от политики расширения охвата высшим образованием, их влияние на безработицу среди выпускников колледжей. По итогам было обнаружено, что эта политика в краткосрочной перспективе увеличила уровень безработицы среди новых выпускников колледжей, однако затем уровень безработицы начал снижаться и в целом практически нивелировался спустя пять лет. Коррелятами уровня безработицы выступили также гетерогенные эффекты пола, города и региона [23].

В Российской Федерации образование, по мнению В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова, существенно влияет на ключевые показатели рынка труда – экономическую активность населения, занятость и безработицу [25].

Например, показано, что среди выпускников высших учебных заведений уровень участия в рабочей силе достигает 90 %, что является максимальным значением среди рассмотренных групп [25]. Кроме того, отмечается связь между образованием и уровнем занятости, который среди лиц с высшим образованием равен 83 %, а у лиц с полным средним образованием – только 53 %. Если обратиться к показателю безработицы, он среди российских граждан с высшим образованием оказывается примерно вдвое ниже, чем в среднем по стране: даже в период кризиса 2008 года людей с высшим образованием, искавших работу, было порядка 30 %, тогда как со средним образованием и ниже – около 40–60 % [25].

Отметим также, что на российской выборке более низкий уровень образования оказывается также связанным с вероятностью попадания в группу людей, имеющих низкооплачиваемые рабочие места, то есть тех, чья часовая оплата труда не превышает двух третей от медианного значения. Это было показано российскими исследователями В. Е. Гимпельсоном, Р. И. Капелюшниковым и А. В. Шаруниной на выборке данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2002–2016 годы [26].

В целом обзор литературы по взаимосвязи показателей образования и безработицы показывает скорее положительную взаимосвязь между охватом образованием и занятостью населения. Однако отношения между двумя этими параметрами подвержены влиянию глобальной экономической ситуации в стране и регионе, особенностей национальных образовательных систем и социально-исторических причин.

Методология

Фокусом настоящей статьи является вопрос о том, как расширение участия населения в образовании повлияло на положение молодых людей на рынке труда. Основным материалом анализа выступили данные по странам ОЭСР и так называемым странам партнерам, то есть странам, участвующим в программе ОЭСР по статистике образования INES¹, к числу которых принадлежит и Российская Федерация.

Данное исследование проведено в 2022 году. Для достижения поставленных целей были определены следующие задачи: 1) литературный анализ релевантных проблематике исследования работ; 2) сбор базы данных из

¹ INES (Indicators of National Education System – Индикаторы образовательных систем) – крупнейшая международная программа по статистике образования, которую реализует Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В ее рамках осуществляется сбор и обработка статистической информации по показателям образования и экономики, а также выпускается наиболее авторитетный доклад по международной образовательной статистике Education at a Glance [27].

открытых источников для их дальнейшего статистического анализа, первичная обработка и очистка данных, предварительный анализ вспомогательных графиков и таблиц; 3) анализ описательных статистик и линейных корреляций между выделенными переменными для определения наиболее выраженных взаимосвязей между параметрами образовательных систем и экономической активности населения; 4) сопоставительный анализ данных по странам-членам и странам-партнерам ОЭСР с данными по Российской Федерации для выявления актуального уровня развития экономической и образовательной систем России относительно других стран.

В рамках анализа литературных источников применялся поиск наиболее актуальных работ в международных базах Scopus и Web of Science за последние 30 лет. При дальнейшем анализе преимущество отдавалось обзорным и эмпирическим работам, а также работам, опубликованным за последние 7 лет, чтобы обеспечить более высокий уровень актуальности литературного обзора и определить теоретические основания для последующего эмпирического анализа собранных данных.

Термин «третичное образование» в данной работе определяется как программы с продвинутым содержанием образования, по сравнению с уровнями среднего общего и среднего профессионального образования, и соответствующие уровню 5 Международной стандартной классификации образования (МСКО-5). Уровень третичного образования включает в себя программы короткого цикла, бакалавриат, магистратуру и аспирантуру/докторантуру. В качестве основных параметров образования были отобраны следующие: уровень образования населения, участие населения в образовании, участие молодежи в образовании, структура выпуска по уровню программ (программы короткого цикла, бакалавриат, магистратура). В качестве экономических показателей были включены доля экономически активного и неактивного населения, уровень безработицы населения и молодежи в частности. Динамика указанных выше показателей анализировалась за период с 2005 по 2019 годы. Отдельно проведены сравнения показателей за 2020 и 2019 годы, поскольку в 2020 году в условиях пандемии COVID-19 тенденции динамики показателей статуса на рынке труда изменились под воздействием экстраординарных факторов. Приведенные показатели были собраны в единую базу данных на основе открытого источника данных по странам-членам и странам-партнерам ОЭСР (<https://stats.oecd.org>).

Статистический анализ данных включал в себя описательные статистики и анализ корреляций с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена, которые позволил определить характер и величину взаимосвязи между приведенными экономическими и образовательными показателями. Статистический анализ проводился с использованием пакета IBM SPSS Statistics версии 23.

Результаты исследования

Изменения характеристик образования населения и молодежная безработица.

Естественно предположить, что молодежная безработица связана с уровнем безработицы населения в целом. Действительно, коэффициенты безработицы молодежи с третичным образованием и населения в возрасте 25 лет и старше коррелируют значимо, причем эта связь за последние 15 лет выросла – если в 2005 году коэффициент корреляции составлял 0,45, то в 2019 достиг 0,9. Поэтому в дальнейших расчетах мы будем учитывать эту связь.

За последние 15 лет в странах – членах ОЭСР и странах-партнерах доля молодежи в возрасте 25–34 года выросла в среднем на 38 %, а уровень безработицы среди этой группы населения – на 26 % (рис. 4). При этом уровень безработицы с 2010 года практически не менялся, а доля высокообразованной молодежи продолжала расти.

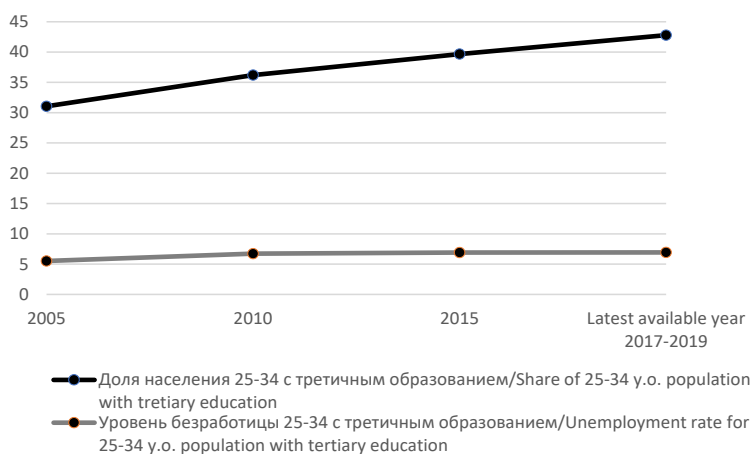

Рис. 4. Динамика безработицы молодежи с третичным образованием

Fig. 4. Changes of employment rate of youth with tertiary education

Можно предположить, что рынок труда и системы образования в рассматриваемой группе стран наладили связи и образование по структуре и содержанию стало в большей степени, чем в начале двухтысячных, соответствовать рынку труда.

Это предположение косвенно подтверждается отрицательной корреляцией между долей населения в возрасте 25–34 лет с третичным образованием и уровнем безработицы для этой группы. График (рис. 5) демонстрирует, что чем больше доля высокообразованных молодых людей в стране, тем ниже уровень их безработицы.

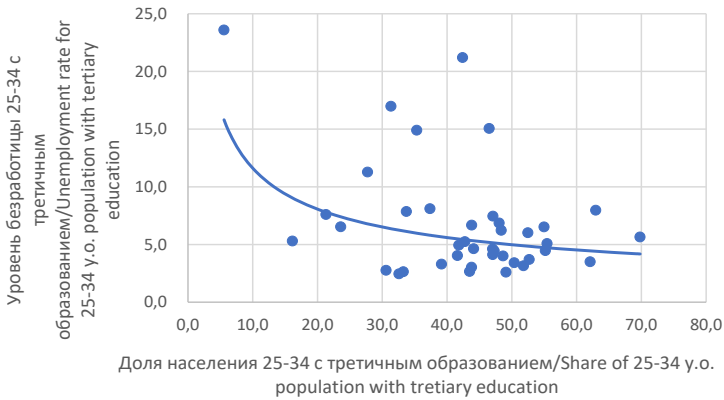

Рис. 5. Связь доли населения с третичным образованием и молодежной безработицей в странах-членах ОЭСР

Fig. 5. Correlation of share of population with tertiary education with youth unemployment rate in OECD countries

Рассмотрим молодежную безработицу подробнее, для разных уровней третичного образования. Данные о динамике безработицы среди молодежи с третичным образованием по рассматриваемой группе стран в среднем представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика безработицы молодежи с третичным образованием
по уровням образования

Table 1

Changes in unemployment rate for youth with tertiary education

	2019 г. к 2005 г. в % 2019 to 2015, in %	
Тип программ третичного образования Type of tertiary level programmes	Уровень безработицы Unemployment rate	Доля населения с данным уровнем образования Share of population with this level of education
Короткие программы третичного образования Short cycle programmes	151 %	81 %
Бакалавриат Bachelor's degree	101 %	103 %
Магистратура Master's degree	74 %	290 %

Данные таблицы 1 однозначно указывают на то, что в наименьшей степени запросу экономики и рынка труда соответствуют короткие программы третичного образования и в наибольшей – программы магистратуры: уровень безработицы среди молодых людей с этим уровнем образования сократился на четверть при росте доли молодежи с магистерским дипломом почти в три раза. Для обладателей дипломов коротких программ третичного образования картина противоположная – при снижении доли молодых людей с этим уровнем образования на 20 %, уровень безработицы среди них вырос в полтора раза.

Связь динамики уровня образования и экономической активности молодежи.

Экономическая активность населения в возрасте 25–34 года с третичным образованием, как и занятость, растет с повышением уровня образования. Но если между выпускниками коротких программ третичного образования и бакалаврами разница невелика, то обладатели магистерских дипломов существенно более экономически активны, чем обладатели дипломов более низких уровней образования даже в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19 (таблица 2).

Таблица 2

Доля экономически неактивного населения в возрасте 25–34 года в развитых странах по уровням образования, %

Table 2

Share of economically inactive population aged 25–34 in developed countries by levels of education, %

Тип программ третичного образования <i>Type of tertiary level programmes</i>	2019	2020
Короткие программы третичного образования <i>Short cycle programmes</i>	12,7	13,4
Бакалавриат <i>Bachelor's degree</i>	12,3	12,8
Магистратура <i>Master's degree</i>	8,9	9,5

Динамика этого показателя в среднем по развитым странам представлена на рис. 6.

На графике видно, что, во-первых, за последние 15 лет уровень экономической активности для обладателей дипломов третичного образования разного уровня менялся по-разному, во-вторых, чем выше уровень образования, тем выше и экономическая активность, и в-третьих, при общей тенденции к снижению экономическая активность существенно снизилась в 2020 году.

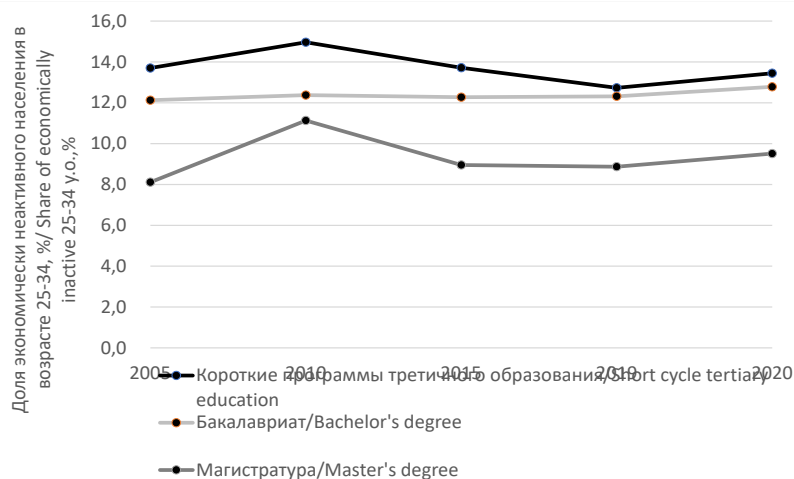

Рис. 6. Динамика экономической активности молодежи по уровням образования

Fig. 6. Changes of economically inactive youth by level of tertiary education

Обсуждение результатов

Целью данной статьи было проанализировать положение молодежи на рынке труда в зависимости от уровня образования, а также определить динамику этого положения с начала века по настоящее время.

Результаты показывают, что общий уровень безработицы в целом по странам-членам и странам-партнерам ОЭСР постепенно увеличивался с 2005 по 2019 годы, что соотносится также и с данными других исследований [напр., Feng et al., 2018]. Логичным образом процент безработицы вырос и среди молодежи, поскольку эта возрастная группа считается довольно уязвимой в контексте быстрого и успешного трудоустройства [1, 3, 4, 7].

В то же время наше исследование, а также ряд других [11, 29–31], показывает, что уровень образования индивида положительным образом связан с его ситуацией на рынке труда: при увеличении доли высокообразованной молодежи, имеющей третичный уровень образования, уровень безработицы остается практически неизменным с 2010 года. В нашей работе эта тенденция наблюдается не только для молодых людей, но также в целом для населения, и этот тренд характерен для большинства развитых и развивающихся стран [31].

Результаты настоящего исследования также подтверждают, что тенденция повышения вероятности трудоустройства сохраняется для разных

уровней уже внутри третичного образования, и по мере движения от программ короткого цикла к бакалавриату и далее магистратуре эта вероятность увеличивается [31]. Анализ показывает, что при общем росте безработицы молодежи с третичным образованием по мере увеличения доли молодых людей с этим уровнем образования в наилучшей ситуации оказываются те, кто оканчивает магистратуру: доля безработных, окончивших короткие программы третичного образования, растет при снижении доли молодых людей с этим образованием, доля получивших диплом бакалавра немного возрастает при неизменном уровне безработицы, а доля магистров с 2005 по 2019 год выросла почти в три раза при одновременном снижении безработицы для этой группы на четверть.

Выявленное довольно выраженное снижение экономической активности населения в 2020 году, по всей вероятности, обусловлено главным образом пандемией COVID-19 и связанными с ней темпами экономического роста стран [32, 33]. Однако статистическая проверка наличия такой связи показала неоднозначную картину. Связь между экономической активностью и экономическим ростом в последнее перед пандемией пятилетие (2015–2019 годы) для обладателей дипломов всех уровней третичного образования отсутствует. Изменение доли экономически неактивных молодых людей в 2020 году по отношению к 2019 году отрицательно коррелирует с темпами экономического роста в 2020 году. При этом динамика экономической активности обладателей магистерских дипломов не связана с экономическим ростом, что еще раз указывает на то, что окончание магистратуры предоставляет преимущества на рынке труда.

В проведенном исследовании впервые сопоставлены динамика роста участия населения в третичном образовании и изменение в положении лиц с этим уровнем образования на рынке труда. Тот факт, что работники с более высоким уровнем образования в развитых странах более экономически активны и в меньшей степени подвержены риску безработицы, чем их менее образованные сограждане, освещался во многих работах, однако вопрос о том, как взрывной рост третичного образования последних десятилетий повлиял на положение лиц с этим уровнем образования на рынке труда не привлек должного внимания. В нашем исследовании показано, что, несмотря на значительное увеличение доли населения с третичным образованием, положение людей с этим уровнем образования несколько ухудшилось. Однако это в наименьшей степени затрагивает наиболее образованную часть населения – лиц с магистерским дипломом – и в наибольшей – менее образованную, то есть лиц с дипломом об окончании коротких программ третичного образования.

Полученные результаты заставляют обратиться к критическому осмыслению образовательной политики в нашей стране, связанной с расши-

рением масштабов среднего профессионального образования по программам подготовки специалистов среднего звена, то есть программ, которые в соответствии с Международной стандартной классификацией образования относятся к уровню 5 – коротким программам третичного образования.

Заключение

Исследовательские вопросы настоящей статьи включают в себя анализ текущей ситуации с занятостью и экономической активностью населения и, в частности, молодежи; определение роли образования как фактора трудовой занятости и экономической активности молодых людей. Основным направлением анализа выступило изучение динамики показателей трудоустройства и образования молодых людей с начала века по настоящее время и связи изменений в уровне образования молодежи и показателей их статуса на рынке труда.

Безработица среди молодых людей с третичным образованием в целом растет, но значительно более медленными темпами, чем увеличивается доля населения этой возрастной группы, получившим диплом бакалавра, магистра или окончивших короткие программы третичного образования. Молодые магистры при этом оказываются в относительно более благоприятной ситуации, чем обладатели дипломов других программ третичного образования, даже в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Динамика экономической активности молодых людей с третичным образованием за последние 15 лет выражена не так явно, как динамика безработицы, однако и здесь молодые магистры демонстрируют лучшие показатели и лучшую динамику.

Результаты проведенного исследования показывают, что с точки зрения улучшения положения молодежи на рынке труда образовательная политика должна ориентироваться в первую очередь на рост охвата населения программами магистратуры или их эквивалента (специалитета).

Список использованных источников

1. Агранович М. А., Дренёва А. А. Влияние параметров образования на молодежную безработицу [Электрон. ресурс] // Научен вектор на Балканите. 2020. Т. 4, №. 4 (10). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-parametrov-obrazovaniya-na-molodezhnyu-bezrabotitsu> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Рощин С., Слесарева А. Межфирменная мобильность молодых работников на российском рынке труда. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2012. Режим доступа: https://lirt.hse.ru/data/2012/12/12/1301162346/WP15_2012_03.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
3. Vedder R., Denhart C., Robe J. Why Are Recent College Graduates Underemployed? University Enrollments and Labor-Market Realities // Center for College Affordability and Pro-

ductivity (NJ1). 2013. Available from: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED539373.pdf> (date of access: 01.03.2022).

4. Pusterla F. How active are youth? The interplay between education, youth unemployment, and inactivity: Fourth release of the KOF Youth Labour Market Index // KOF Studien, 2017. №. 97. Available from: https://www.research-collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/196905/KOF_Study_97.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 01.03.2022).

5. Hossain M. I., Selvi K., Yagamaran A. P., Afrin T., Limon N., Nasiruzzaman M., Karim A. M. Factors influencing unemployment among fresh graduates: A case study in Klang Valley, Malaysia // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2018. Vol. 8, №. 9. P. 1494–1507. DOI: 10.6007/IJARBS/v8-i9/4859

6. Lindemann K., Gangl M. The intergenerational effects of unemployment: How parental unemployment affects educational transitions in Germany // Research in Social Stratification and Mobility. 2019. Vol. 62. P. 100410. DOI: 10.1016/j.rssm.2019.100410

7. Klebolte K. Employment Protection Legislation, Youth Unemployment and the Role of the Educational System // Junior Management Science. 2021. Vol. 6, №. 1. P. 60–80. DOI: 10.5282/jums/v6i1pp60-80

8. Calero J., Choi Á. The distribution of skills among the European adult population and unemployment: A comparative approach // European Journal of Education. 2017. Vol. 52, №. 3. P. 348–364. DOI: 10.1111/ejed.12222

9. Mincer J. Education and unemployment. National Bureau of Economic Research, 1991. №. w3838. Available from: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:nbr:nberwo:3838> (date of access: 01.03.2022).

10. Aden I. Impact of education on unemployment evidence from Canada. 2017. Available from: https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/36134/1/Aden_Idiris_2017_research-paper.pdf (date of access: 01.03.2022).

11. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынках труда [Электрон. ресурс] // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 20, №. 2. С. 201–242. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dorogi-kotorye-my-vybiraem-peremescheniya-na-vneshnem-i-vnutrennem-rynkah-truda> (дата обращения: 10.02.2022).

12. Psacharopoulos G., Patrinos H. A. Returns to investment in education: a further update // Education economics. 2004. Vol. 12, №. 2. P. 111–134. DOI: 10.1080/0964529042000239140

13. Mok K. H. Massification of higher education, graduate employment and social mobility in the Greater China region // British Journal of Sociology of Education. 2016. Vol. 37, №. 1. P. 51–71. DOI: 10.1080/01425692.2015.1111751

14. Checchi D. The economics of education: Human capital, family background and inequality. Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511492280

15. Arshed N., Anwar A., Bukhar S., Kousar N. Education enrollment level and income inequality: A case of SAARC economies // Social Indicators Research. 2018. Vol. 140, №. 3. P. 1211–1224. DOI: 10.1007/s11205-017-1824-9

16. Card D., Lemieux T. Dropout and enrollment trends in the postwar period: What went wrong in the 1970s? // Risky behavior among youths: An economic analysis. University of Chicago Press. 2001. P. 439–482. Available from: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c10694/c10694.pdf> (date of access: 01.03.2022).

17. Barr A., Turner S. E. Expanding enrollments and contracting state budgets: The effect of the Great Recession on higher education // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2013. Vol. 650, №. 1. P. 168–193. DOI: 10.1177/0002716213500035
18. Hillman N. W., Orians E. L. Community colleges and labor market conditions: How does enrollment demand change relative to local unemployment rates? // *Research in Higher Education*. 2013. Vol. 54, №. 7. P. 765–780. DOI: 10.1007/s11162-013-9294-7
19. Bedard K., Herman D. A. Who goes to graduate/professional school? The importance of economic fluctuations, undergraduate field, and ability // *Economics of Education Review*. 2008. Vol. 27, №. 2. P. 197–210. DOI: 10.1016/j.econedurev.2006.09.007
20. Figueiredo H. et al. Should we start worrying? Mass higher education, skill demand and the increasingly complex landscape of young graduates' employment // *Studies in Higher Education*. 2017. Vol. 42, №. 8. P. 1401–1420. DOI: 10.1080/03075079.2015.1101754
21. Sievertsen H. H. Local unemployment and the timing of post-secondary schooling // *Economics of Education Review*. 2016. Vol. 50. P. 17–28. DOI: 10.1016/j.econedurev.2015.11.002
22. Knight J., Deng Q., Li S. China's expansion of higher education: The labour market consequences of a supply shock // *China Economic Review*. 2017. Vol. 43. P. 127–141. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.01.008
23. Xing C., Yang P., Li Z. The medium-run effect of China's higher education expansion on the unemployment of college graduates // *China Economic Review*. 2018. Vol. 51. P. 181–193. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.05.005
24. Li S., Whalley J., Xing C. China's higher education expansion and unemployment of college graduates // *China Economic Review*. 2014. Vol. 30. P. 567–582. DOI: 10.1016/j.chieco.2013.08.002
25. Гимпельсон В., Капелюшников Р. (ред.). Российский работник: образование, профессия, квалификация [Электрон. ресурс]. Litres, 2019. Режим доступа: <https://id.hse.ru/books/37654071.html> (дата обращения: 10.02.2022).
26. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? [Электрон. ресурс] // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 22, №. 4. С. 489–530. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nizkooplachivaemye-rabochie-mesta-na-rossiyskom-rynke-truda-est-li-vyход-i-kuda-on-vedet> (дата обращения: 10.02.2022).
27. Агранович М. А., Ермачкова Ю. В., Селиверстова И. В. Российское образование в контексте международных индикаторов. 2019. Режим доступа: https://firo.ranepa.ru/files/docs/ros_obr_v_kontekste_mejdunar_indikatorov/doclad_ros_obr_v_kontekste_mi.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
28. Feng Y., Lagakos D., Rauch J. E. Unemployment and development // *National bureau of economic research*. 2018. №. w25171. Available from: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25171/w25171.pdf (date of access: 01.03.2022).
29. Kaliakatsos J., Petridis C., Liidakis G., Vardiambasis I. O., Makris J. P., Antonidakis E., Tatarakis M. Quality of education and employment rate // *Proceedings of the WSEAS International Conference on Engineering Education*. 2005. P. 8–10. Available from: https://www.researchgate.net/publication/267423942_Quality_of_Education_and_Employment_Rate (date of access: 01.03.2022).
30. Bernatonyte D. et al. The impact of higher education on employment in the labour market: Lithuanian case // *Contemporary educational researches journal*. 2019. Vol. 9, №. 1. P. 56–64. DOI: 10.18844/cerj.v9i1.3821

31. Marinič P., Pecina P. Is tertiary education worth it? // Proceedings of INTED2021 Conference. 2021. Vol. 8. P. 9th. DOI: 10.21125/inted.2021.1607
32. Maloney W. F., Taskin T. Determinants of social distancing and economic activity during COVID-19: A global view // World Bank Policy Research Working Paper. 2020. №. 9242. Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33754/Determinants-of-Social-Distancing-and-Economic-Activity-during-COVID-19-A-Global-View.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (date of access: 01.03.2022).
33. Asahi K., Undurraga E. A., Valdés R., Wagner R. The effect of COVID-19 on the economy: Evidence from an early adopter of localized lockdowns // Journal of global health. 2021. Vol. 11. DOI: 10.7189/jogh.10.05002

References

1. Agranovich M. L., Drenjova A. A. The impact of education parameters on youth unemployment. *Nauchen vektor na Balkanite = Scientific Vector of the Balkans* [Internet]. 2020 [cited 2022 Feb 10]; 4 (10). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-parametrov-obrazovaniya-na-molodezhnuyu-bezrabotitsu> (In Russ.)
2. Roshhin S., Slesareva A. Mezhhfirmennaja mobil'nost' molodyh rabotnikov na rossijskom rynke truda = Intercompany mobility of young workers in the Russian labour market [Internet]. Moscow: HSE; 2012 [cited 2022 Feb 10]. 52 p. Available from: https://lirt.hse.ru/data/2012/12/12/1301162346/WP15_2012_03.pdf (In Russ.)
3. Vedder R., Denhart C., Robe J. Why are recent college graduates underemployed? University enrollments and labor-market realities [Internet]. Center for College Affordability and Productivity (NJ1). 2013 [cited 2022 Mar 01]. Available from: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED539373.pdf>
4. Pusterla F. How active are youth? The interplay between education, youth unemployment, and inactivity: Fourth release of the KOF Youth Labour Market Index. *KOF Studien* [Internet]. 2017 [cited 2022 Mar 01]; (97). Available from: https://www.research-collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/196905/KOF_Study_97.pdf?sequence=1&isAllowed=y
5. Hossain M. I., Selvi K., Yagamaran A. P., Afrin T., Limon N., Nasiruzzaman M., Karim A. M. Factors influencing unemployment among fresh graduates: A case study in Klang Valley, Malaysia. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2018; 8 (9): 1494–1507. DOI: 10.6007/IJARBSS/v8-i9/4859
6. Lindemann K., Gangl M. The intergenerational effects of unemployment: How parental unemployment affects educational transitions in Germany. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2019; 62: 100410. DOI: 10.1016/j.rssm.2019.100410
7. Klebolte K. Employment protection legislation, youth unemployment and the role of the educational system. *Junior Management Science*. 2021; 6 (1): 60–80. DOI: 10.5282/jums/v6i1pp60-80
8. Calero J., Choi Á. The distribution of skills among the European adult population and unemployment: A comparative approach. *European Journal of Education*. 2017; 52 (3): 348–364. DOI: 10.1111/ejed.12222
9. Mincer J. Education and unemployment [Internet]. National Bureau of Economic Research; 1991 [cited 2022 Mar 01]. №. w3838. Available from: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:nbr:nberwo:3838>

10. Aden I. Impact of education on unemployment evidence from Canada [Internet]. 2017 [cited 2022 Mar 01]. Available from: https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/36134/1/Aden_Idiris_2017_researchpaper.pdf
11. Gimpelson V. E., Kapeljushnikov R. I., Sharunina A. V. "Roads that we choose": Movements in the external and internal labour markets. *Jekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* = *Economic Journal of the Higher School of Economics* [Internet]. 2016 [cited 2022 Feb 10]; 20 (2): 201–242. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dorogi-kotorye-my-vybiraem-peremescheniya-na-vneshnem-i-vnutrennem-rynkah-truda> (In Russ.)
12. Psacharopoulos G., Patrinos H. A. Returns to investment in education: A further update. *Education Economics*. 2004; 12 (2): 111–134. DOI: 10.1080/0964529042000239140
13. Mok K. H. Massification of higher education, graduate employment and social mobility in the Greater China region. *British Journal of Sociology of Education*. 2016; 37 (1): 51–71. DOI: 10.1080/01425692.2015.1111751
14. Checchi D. The economics of education: Human capital, family background and inequality. Cambridge University Press; 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511492280
15. Arshed N. Anwar A., Bukhar S. Kousar N. Education enrollment level and income inequality: A case of SAARC economies. *Social Indicators Research*. 2018; 140 (3): 1211–1224. DOI: 10.1007/s11205-017-1824-9
16. Card D., Lemieux T. Dropout and enrollment trends in the postwar period: What went wrong in the 1970s? In: J. Gruber (Ed.). *Risky behavior among youths: An economic analysis* [Internet]. University of Chicago Press; 2001 [cited 2022 Mar 01]. p. 439–482. Available from: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c10694/c10694.pdf>
17. Barr A., Turner S. E. Expanding enrollments and contracting state budgets: The effect of the Great Recession on higher education. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2013; 650 (1): 168–193. DOI: 10.1177/0002716213500035
18. Hillman N. W., Orians E. L. Community colleges and labor market conditions: How does enrollment demand change relative to local unemployment rates? *Research in Higher Education*. 2013; 54 (7): 765–780. DOI: 10.1007/s11162-013-9294-7
19. Bedard K., Herman D. A. Who goes to graduate/professional school? The importance of economic fluctuations, undergraduate field, and ability. *Economics of Education Review*. 2008; 27 (2): 197–210. DOI: 10.1016/j.econedurev.2006.09.007
20. Figueiredo H., et al. Should we start worrying? Mass higher education, skill demand and the increasingly complex landscape of young graduates' employment. *Studies in Higher Education*. 2017; 42 (8): 1401–1420. DOI: 10.1080/03075079.2015.1101754
21. Sievertsen H. H. Local unemployment and the timing of post-secondary schooling. *Economics of Education Review*. 2016; 50: 17–28. DOI: 10.1016/j.econedurev.2015.11.002
22. Knight J., Deng Q., Li S. China's expansion of higher education: The labour market consequences of a supply shock. *China Economic Review*. 2017; 43: 127–141. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.01.008
23. Xing C., Yang P., Li Z. The medium-run effect of China's higher education expansion on the unemployment of college graduates. *China Economic Review*. 2018; 51: 181–193. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.05.005
24. Li S., Whalley J., Xing C. China's higher education expansion and unemployment of college graduates. *China Economic Review*. 2014; 30: 567–582. DOI: 10.1016/j.chieco.2013.08.002
25. Gimpelson V., Kapeljushnikov R. (Ed.). *Rossiiskij rabotnik: obrazovanie, professija, kvalifikacija* = Russian worker: Education, profession, qualification [Internet]. Mos-

cow: Publishing House Litres; 2019 [cited 2022 Feb 10]. Available from: <https://id.hse.ru/books/37654071.html> (In Russ.)

26. Gimpelson V. E., Kapeljushnikov R. I., Sharunina A. V. Low-paid jobs in the Russian labour market: Is there a way out and where does it lead? *Jekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* = *Economic Journal of the Higher School of Economics* [Internet]. 2018 [cited 2022 Feb 10]; 22 (4): 489–530. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nizkooplachivaemye-rabochie-mesta-na-rossijskom-rynke-truda-est-li-vyhod-i-kuda-on-vedet> (In Russ.)

27. Agranovich M. L., Ermachkova Ju. V., Seliverstova I. V. Rossijskoe obrazovanie v kontekste mezhdunarodnyh indikatorov = Russian education in the context of international indicators [Internet]. 2019 [cited 2022 Feb 10]. Available from: https://firo.ranepa.ru/files/docs/ros_obr_v_kontekste_mejdunar_indikatorov/doclad_ros_obr_v_kontekste_mi.pdf (In Russ.)

28. Feng Y., Lagakos D., Rauch J. E. Unemployment and development [Internet]. National bureau of economic research; 2018 [cited 2022 Mar 01]. № (w25171). Available from: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25171/w25171.pdf

29. Kaliakatsos J., Petridis C., Liodakis G., Vardiambasis I. O., Makris J. P., Antonidakis E., Tatarakis M. Quality of education and employment rate. In: *Proceedings of the WSEAS International Conference on Engineering Education* [Internet]. 2005 [cited 2022 Mar 01]; p. 8–10. Available from: https://www.researchgate.net/publication/267423942_Quality_of_Education_and_Employment_Rate

30. Bernatonyte D., et al. The impact of higher education on employment in the labour market: Lithuanian case. *Contemporary Educational Researches Journal*. 2019; 9 (1): 56–64. DOI: 10.18844/cej.v9i1.3821

31. Marinič P., Pecina P. Is tertiary education worth it? In: *Proceedings of INTED2021 Conference*; 2021 March 8–9. DOI: 10.21125/inted.2021.1607

32. Maloney W. F., Taskin T. Determinants of social distancing and economic activity during COVID-19: A global view [Internet]. World Bank Policy Research Working Paper; 2020 [cited 2022 Mar 01]. № 9242. Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33754/Determinants-of-Social-Distancing-and-Economic-Activity-during-COVID-19-A-Global-View.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

33. Asahi K., Undurraga E. A., Valdés R., Wagner R. The effect of COVID-19 on the economy: Evidence from an early adopter of localized lockdowns. *Journal of Global Health*. 2021; 11. DOI: 10.7189/jogh.10.05002

Информация об авторах:

Агранович Марк Львович – кандидат экономических наук, директор НИЦ Мониторинга и статистики образования Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ORCID 0000-0001-5403-6875, Scopus Author ID 6602566231, ResearcherID AAS-2010-2021; Москва, Россия. E-mail: agranovich-ml@ranepa.ru

Дренёва Анна Александровна – кандидат психологических наук, научный сотрудник НИЦ Мониторинга и статистики образования Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ORCID 0000-0003-3880-5202, Scopus Author ID 57204860455, ResearcherID A-5950-2018; Москва, Россия. E-mail: dreneva-aa@ranepa.ru

Вклад соавторов:

М. Л. Агранович – разработка концепции исследования, выбор методологии, описание данных статистического анализа, обобщение результатов и подготовка выводов исследования.

А. А. Дренёва – сбор и статистический анализ данных, написание литературного обзора.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.05.2022; поступила после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 07.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Mark L. Agranovich – Cand. Sci. (Economics). Head of Research Center for Education Monitoring and Statistics, Federal Institute for Educational Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Scopus Author ID 6602566231, ORCID 0000-0001-5403-6875, ResearcherID AAS-2010-2021; Moscow, Russia. E-mail: agranovich-ml@ranepa.ru

Anna A. Dreneva – Cand. Sci. (Psychology). Researcher of Research Center for Education Monitoring and Statistics, Federal Institute for Educational Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Scopus ID 57204860455, ORCID 0000-0003-3880-5202, ResearcherID A-5950-2018; Moscow, Russia. E-mail: dreneva-aa@ranepa.ru

Contribution of the authors:

M. L. Agranovich – development of the research concept, choice of the methodology, description of statistical analysis data, generalisation of results and preparation of the research conclusions.

A. A. Dreneva – collection and statistical analysis of data, writing a literature review.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 07.05.2022; revised 29.08.2022; accepted for publication 07.09.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.